

**Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе
в письмах и публицистике (1899 г.)**

Беклемишева Мария Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: mariabekl@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6648-6395

Цитирование

Беклемишева М. М. Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе в письмах и публицистике (1899 г.) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 33–59. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Статья поступила в редакцию 21.09.2020.

Аннотация

В статье изучаются взгляды славянофила А. А. Башмакова на сущность и способ решения «македонского вопроса» в 1899 г., изложенные в его книге «Болгария и Македония» и архивных письмах Н. П. Игнатьеву, впервые вводимых в научный оборот. Освещаются особенности отражения в указанных источниках собранной А. А. Башмаковым в Македонии информации. Документально подтверждается частный характер македонской поездки А. А. Башмакова, не связанной с его служебными обязанностями в МИД и приуроченной к планировавшемуся всеобщему восстанию. Отмечается, что одним из главных источников его информирования о политической ситуации в регионе во время поездки послужило общение с болгарскими деятелями, оппозиционными Фердинанду Кобургу, а представления об этнической картине в Македонии сложились на основе собственных наблюдений. Основное внимание в работе уделяется представлениям А. А. Башмакова о необходимом курсе российской внешней политики в Болгарии и Македонии в 1899 г.: главной задачей русской дипломатии он видел устройство автономии в Македонии без кровопролития, а также был убежден в необходимости проведения активного курса России на Балканах.

Ключевые слова

Македония, «македонский вопрос», Н. П. Игнатьев, Болгария, внешняя политика России, позднее славянофильство.

В течение XIX в. Османская империя переживала системный политический и экономический кризис. На территории ее европейских владений происходило постепенное отмирание государственной власти: по словам русского публициста А. А. Башмакова, крупные землевладельцы, разбойники или просто отдельные смельчаки в целых районах заменяли собой государственную власть, которая мирилась с этими явлениями ввиду своего бессилия¹. Тяжелое экономическое положение населения усугублял нерешенный аграрный вопрос. Христианское население европейских владений Турции жило в сознании того, что нажитое своим трудом принадлежало не только турецкому правительству, но и местному властителю, перед произволом которого оно было беззащитным. Реформы, принятые под давлением европейских держав, оставались мертвой буквой.

Особое звучание в конце XIX в. приобрел «македонский вопрос» — вопрос о политическом будущем трех македонских вилайетов Османской империи. Обстановку в этом регионе осложняли национально-освободительная борьба против турецкого владычества, а также внешние факторы: Македония становилась полем жесткого столкновения болгарской, сербской и греческой национальных пропаганд; в прилегающих странах действовали революционные македонские комитеты, преследовавшие собственные политические цели. Восстание на Крите 1896–1897 гг. способствовало оживлению македонских революционных организаций, которые надеялись воспользоваться моментом для устройства автономии. Все эти факторы обеспечили неизбежность обострения македонской проблемы в последние годы XIX в.

В это время курс российской политики на Балканах был направлен на умиротворение и сохранение существующего порядка. В 1897 г. Россия и Австро-Венгрия — главные акторы на Балканах, заинтересованные в сохранении территориальной целостности Османской империи, — согласовали основные принципы своей балканской политики в секретном соглашении. Стороны подтвердили стремле-

---

1 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 215.

ние к поддержанию status quo на Балканском полуострове и отказ от завоевательных целей на Балканах. В случае нарушения status quo Австро-Венгрия предлагала устроить «справедливый» раздел территорий «малых балканских стран» с соблюдением принципа равновесия, без преобладания какого-либо государства «в ущерб другим»². Российский министр иностранных дел М. Н. Муравьев, однако, отмечал в дипломатической ноте, что такой способ решения «восточного вопроса» был тогда преждевременным и трудно осуществимым³. Поэтому в том, что касалось «македонского вопроса», Россия стремилась избегать радикальных решений, чреватых европейской войной.

В рамках своего курса российская дипломатия стремилась «преподать балканским государствам “советы миролюбия и умеренности”»⁴, подчеркивая, что Россия не поддержит силы, стремящиеся к нарушению существующего порядка. Эта позиция была разъяснена и македонским комитетам.

В русском обществе шла дискуссия о «македонском вопросе», и пресса отразила весь спектр позиций по нему. В конце XIX — начале XX в. Македонию посетили выдающиеся публицисты, корреспонденты и ученые: П. Н. Милюков, А. В. Амфитеатров, П. А. Риттих, А. Л. Погодин и многие другие. По результатам своих путешествий они публиковали путевые заметки, книги, статьи в периодической печати. Предпринятая летом 1899 г. по собственной инициативе македонская поездка А. А. Башмакова (1858–1943), на тот момент служившего делопроизводителем во II департаменте Министерства иностранных дел (Департаменте внутренних сношений), удостоивалась отдельных упоминаний в отечественной литературе. Так, было высказано предположение о том, что А. А. Башмаков как сотрудник МИД занимался изучением ситуации на Балканах, не имея прямого указания начальства⁵, и стремился развеять для русского общества миф о «неблагодарности» балканских славян по отношению к Рос-

---

2 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 305.

3 Там же. С. 307–308.

4 *Ямбаев М. Л.* Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России // *Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 155.*

5 *Смолин М. Б.* Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // *Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10). С. 152.*

сии⁶. М. Л. Ямбаев рассматривает взгляды А. А. Башмакова в статье, посвященной изучению представлений в русском обществе об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в.⁷ Украинская исследовательница В. А. Бурбыга относит А. А. Башмакова к приверженцам решения «македонского вопроса» в пользу Болгарии, отмечая, что спустя много лет после своей поездки публицист повторил вывод о преобладании болгарского языка среди местного населения, а решение «македонского вопроса» связывал с получением Сербией выхода к Адриатике⁸.

В большей степени тема настоящей статьи разработана в болгарской историографии, где главное внимание уделяется внутривосточному аспекту македонского вопроса в восприятии А. А. Башмакова. На македонской поездке и взглядах А. А. Башмакова останавливается болгарский историк С. Германов. Он приходит к выводу, что А. А. Башмаков верно понимал сущность македонского вопроса и много сделал для проведения своей точки зрения в русской печати⁹. Историк И. Йолов рассуждает о сильных и слабых сторонах аргументации А. А. Башмакова в пользу болгарской точки зрения. Он полагает, что во время своей поездки А. А. Башмаков контактировал главным образом с болгарскими, обладавшими ярко выраженной национальной идентичностью, поэтому его позиция столь категорична¹⁰. Автор особо выделяет два аргумента А. А. Башмакова в пользу болгарских претензий на Македонию: то, что по достижении автономии Македония бы тяготела именно к Болгарии, и что турки и албанцы в Македонии говорили на болгарском языке¹¹. Книга «Болгария и Ма-

---

6 Томсинов В. А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. М., 2007. Т. 2. С. 169.

7 Ямбаев М. Л. Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 166.

8 Бурбыга В. А. Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.) // Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 133.

9 Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София, 1993. С. 248–253.

10 Йолов И. Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София, 1999. С. 39.

11 Там же. С. 48–49.

кедония», по мнению И. Йолова, представляет значительный интерес, поскольку в ней наблюдения путешественника сочетаются с теоретическими схемами без какого-либо противоречия¹². Автор биографического очерка об А. А. Башмакове С. Елдаров задается вопросом, что же заставило публициста после столь значительного (15-летнего) перерыва¹³ вновь обратиться к балканским проблемам, в частности, специально заняться македонским вопросом¹⁴. Не имея пока необходимых источников, можно только предполагать, были это личные причины или служебное задание, пишет С. Елдаров. Обращая внимание на «проболгарские симпатии» Башмакова, историк пишет, что такая позиция причинила публицисту серьезные служебные и личные неприятности, но вместе с тем способствовала приобретению им широкой известности в Болгарии¹⁵.

В настоящей статье на основании впервые используемых архивных материалов, дополненных опубликованными источниками, освещается позиция А. А. Башмакова по «македонскому вопросу» в связи с его представлениями о необходимом курсе внешней политики России на Балканах в 1899 г.

А. А. Башмаков с юности, благодаря влиянию отца — славянофила А. Д. Башмакова, интересовался Балканами. Его тесное знакомство с Болгарией началось в 1881 г., когда, окончив Новороссийский университет со степенью кандидата прав, он поступил на службу в Восточную Румелию, где требовались правоведы со знанием болгарского языка. В период службы он изучал историю и культуру болгарского народа, посещал Родопы и другие районы страны¹⁶. В России

12 Там же. С. 49.

13 На протяжении 1880-х гг. А. А. Башмаков занимается юридической практикой, однако не обходит вниманием и балканские проблемы: интересуется славянским сравнительным законодательством, принимает активное участие в работе Одесского славянского общества. Лишь на службе в Прибалтике (1889–1894) он временно оставляет в стороне балканские темы и концентрируется на вопросах российской внутренней политики. В 1895–1898 гг. выходит ряд его публицистических статей о взаимоотношениях России и славянского мира, в которых главное внимание уделено южным славянам.

14 *Елдаров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александър Александрович Башмаков // *Македонски преглед*. 2009. Т. XXXII. № 4. С. 133.

15 Там же. С. 135.

16 *Германов С.* Руски пътешественици... С. 270.

А. А. Башмаков становится членом Одесского, а затем Петербургского славянских благотворительных обществ. На страницах газет и журналов, в выступлениях в славянских обществах он обращался к ряду политических и культурных проблем славянского мира, особое внимание уделяя отношениям России с южными славянами. Убежденный сторонник славянской взаимности, А. А. Башмаков был приверженцем активного внешнеполитического курса России на Балканах.

В июне 1898 г. А. А. Башмаков, вероятно, при содействии директора II департамента Министерства иностранных дел Н. А. Малевского-Малевича, который приглашал талантливых сотрудников (М. А. Таубе, В. Б. Лопухина) в свой департамент, переходит на юрисконсультскую службу в МИД¹⁷. Несмотря на знакомство с официальной позицией российского дипломатического ведомства по македонскому вопросу «из первых уст», А. А. Башмаков стремится выяснить, что Россия могла бы сделать для его решения, и летом 1899 г. отправляется в Македонию. Важнее всего, по мнению А. А. Башмакова, было не упустить тот момент, когда Россия могла бы освободить эту страну от турецкого ига.

* * *

Позиция публициста по македонской проблеме в 1899–1902 гг. отражена в источниках личного происхождения и опубликованных публицистических произведениях. В данной статье в качестве главного источника используются архивные письма А. А. Башмакова графу Н. П. Игнатьеву, дополненные сведениями книги Башмакова «Болгария и Македония». Дополнительно привлечены также письма А. А. Башмакова 1899 и 1901 гг. барону Ф. Р. Остен-Сакену из личного фонда этого государственного деятеля в РГАДА.

Ряд писем А. А. Башмакова графу Н. П. Игнатьеву, датированных 1899–1906 гг., отложился в личном фонде Игнатьева в ГАРФ (Ф. 730)¹⁸. Будучи знаком с ним по Петербургскому славянскому благотворительному обществу, председателем которого граф являлся, А. А. Башмаков высоко оценивал Н. П. Игнатьева как дипломата и государственного деятеля. В архиве сохранилось лишь два письма, отправленных А. А. Башмаковым Н. П. Игнатьеву из Софии: 13 июля 1899 г. — перед поездкой в Македонию и 28 августа 1899 г. — по возвращении из нее в Болгарию. Тогда он считал своим долгом как можно

17 РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1639. Л. 21.

18 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388.

скорее донести до графа конфиденциальные сведения о том, как обстоят дела в славянских землях. К большому сожалению, письма, которые он отправлял Н. П. Игнатьеву непосредственно из Македонии, в архивном фонде отсутствуют. Возможно, А. А. Башмаков просил графа вернуть их ему для работы над своей книгой. В архивных письмах и опубликованных материалах прослеживаются текстуальные совпадения. Ответных писем Н. П. Игнатьева не имеется, поскольку дореволюционный архив А. А. Башмакова не сохранился.

В письмах А. А. Башмаков сообщает Н. П. Игнатьеву о своем отношении к наиболее актуальным событиям того времени на Балканах. Среди них — принятие болгарским Народным собранием договоров о займе с немецко-французским синдикатом во главе с «Немецким банком» (*Deutsche Bank*)¹⁹; покушение на Милана Обреновича в июле 1899 г.; обострение «кумановского вопроса» — проблемы церковной принадлежности кумановской общины. Впоследствии все эти вопросы будут изложены А. А. Башмаковым также в его книге «Болгария и Македония».

Эта книга, изданная под псевдонимом «Вещий Олег», стала главной работой о его македонском путешествии. В ее основу легли все опубликованные в 1899–1901 гг. заметки А. А. Башмакова: 17 «Писем из Болгарии и Македонии» («Санкт-Петербургские ведомости», конец июля — октябрь 1899 г.); «Македонские отблески» («Приднепровский край», январь 1900 г.); брошюра «Поездка в Македонию» (СПб., 1901), дополненные в «Приложениях» публикациями 1902 г.: четырьмя «Письмами о македонском вопросе» из газеты «Новое время» и статьей «Надежды славянского юга» из «Санкт-Петербургских ведомостей». Работа над книгой, по-видимому, шла в течение 1902 г. и в 1903 г. была завершена. В русской печати вышел ряд рецензий и отзывов на «Болгарию и Македонию», ее чешский перевод вышел в Праге²⁰.

Книга была адресована широкому кругу читателей. Следует отметить, что А. А. Башмаков — не ученый в подлинном смысле слова, а только публицист. Изучение им македонского вопроса имело целью не сбор научной статистики о населении каждого македонского вилайета, а выяснение тех начал, которыми должна была руководство-

19 Подробнее об этих займах см.: *Шеремет В. И.* Османская империя в международных отношениях на Балканах // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 43; *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // Там же. С. 79.

20 *Veščij Oleg [Bashmakov A. A.]*. Bulharsko a Makedonie. Praha, 1903.

ваться российская внешняя политика в случае осложнений в Македонии. Свои выводы по этому поводу в 1899 г. он изложил частным образом графу Н. П. Игнатьеву, в основной части книги только указывая на необходимость предоставления Македонии автономного статуса и сохранения ее целостности.

В книге А. А. Башмакова мы не найдем примеров какой-либо агитации — сербской, болгарской или греческой, и даже имен македонских революционеров: имя руководителя «Верховного македонского комитета» Бориса Сарафова Башмаков обозначает лишь инициалом «С.»²¹. Зато публицист подробно останавливается на известных ему этнографических картах Македонии, ее топографии, приводит свои беседы с македонцами — жителями городов и сел. В книге он сделал оговорку о том, что не льстил себя надеждой исчерпать вопрос своими недостаточно полными сведениями. Однако он надеялся, что при всей неполноте собранных им данных они имели значение для ориентирования читателей среди той путаницы понятий, которая существовала в македонском вопросе²².

Далеко не все впечатления от поездки, записанные А. А. Башмаковым, попали на страницы опубликованной книги. Известно, что часть фотографий для нее была предоставлена русским консулом в Скопье В. Ф. Машковым, однако А. А. Башмаков не раскрывает никаких подробностей своего общения с консулами. То же самое можно сказать и про общение с турецкими чиновниками. Башмаков намеренно не называет имен своих собеседников, дабы не компрометировать их «неосторожностью пера»²³. В книге он часто не поясняет и источников своих сведений: печать или личное общение.

В силу определенных обстоятельств его биографии (изучение в юности болгарского языка и болгарского фольклора, служба в Восточной Румелии, давняя дружба с болгарскими учеными) из всех балканских стран с Болгарией А. А. Башмаков был знаком лучше всего. Сербским языком он не владел, понимая его лишь отчасти, догадываясь о значении слов²⁴. Во время пребывания в Македонии Башмакову иногда рекомендовали посмотреть ту или иную местность, чтобы убедиться в болгарском характере ее населения (например, в Велесе)²⁵.

21 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 19.

22 Там же. С. 182.

23 Там же. С. 316.

24 Там же. С. 183.

25 Там же. С. 181.

В своей книге А. А. Башмаков не упоминает ни одного случая беседы с деревенскими жителями, не имевшими национальной самоидентификации, что, однако, не свидетельствует о том, что они ему совсем не встречались. Современные исследователи полагают, что вопрос о национальном сознании у сельского населения Македонии в то время не стоял²⁶.

Что касается сербского населения македонских вилайетов, А. А. Башмаков описывает единственный случай беседы с «сербоманами» в Битоле, которые говорили, по его замечанию, на языке, «представлявшем как бы искаженный многими сербизмами болгарский язык»²⁷. Публицист пришел к выводу, что данный факт указывал не на этническую принадлежность этих людей, а на социальное явление — болгар, подвергшихся сербской пропаганде²⁸. Однако, изучая карты, которым он доверял, и отдавая себе отчет в неполноте своих сведений, он не исключал возможности существования сербских местностей в Македонии.

А. А. Башмаков полагал, что македонская нация в то время еще не сложилась. Согласно его мнению, к началу XX в. в условиях ожесточенной пропаганды уже не существовало условий для ее образования, поскольку история каждой из отдельных народностей, составлявших Македонию, давно шла по пути все возрастающего национализма²⁹.

В личных письмах Н. П. Игнатьеву, где А. А. Башмаков мог быть более откровенен и резок в своих оценках, он делал такие же выводы (о болгарском характере Македонии, преувеличенных требованиях Сербии), причем отмечал, что по своей щекотливости они тогда не позволяли опубликования³⁰.

* * *

В январе 1899 г. в МИД состоялось обсуждение «македонских дел» в связи с полученными сведениями о возобновлении в Македонии «усиленной агитационной деятельности»³¹. М. Н. Муравьев вы-

---

26 Ямбаев М. Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 317; Исаева О. Н. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 112.

27 Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 233.

28 Там же. С. 235.

29 Там же. С. 352.

30 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 7об.

31 Ямбаев М. Л. Болгаро-македонское революционное движение... С. 166.

сказал предположение о том, что лидеры революционного движения рассчитывают в непродолжительном времени поднять серьезное восстание среди македонцев в надежде этим путем вызвать европейское заступничество и побудить державы заняться устройством Македонии по примеру Критской автономии³². А. А. Башмаков, как сотрудник министерства, скорее всего, был осведомлен об этом заседании, и с этого момента его внимание было приковано к македонской проблеме. Летом 1899 г. ему удалось выяснить, что на 29 июня было запланировано всеобщее восстание в Македонии³³. Как он отметил в письме графу Игнатьеву, он узнал об этой дате «из конфиденциальных источников» — по всей видимости, из Болгарии.

5 июля 1899 г., взяв двухмесячный отпуск, А. А. Башмаков выехал из Петербурга. В разговорах с Н. П. Игнатьевым он, по-видимому, упоминал о готовящейся поездке, однако его начальству не было о ней известно: Башмаков не предал огласке своих целей и намерений и считался «якобы “отдыхающим”» где-нибудь за границей³⁴.

13 июля 1899 г. он сообщал Игнатьеву о своем приезде в Софию и писал, что останется в городе еще около недели, чтобы предварительно сориентироваться в делах и людях княжества, а затем намерен совершить основательную поездку вглубь Македонии³⁵. По приезде в Софию стало ясно, что сообщение о восстании оказалось неверным³⁶. Имевшихся у македонских революционных организаций средств было недостаточно для восстания, а тем более полного освобождения Македонии. Недостаточность этой подготовки, однако, весьма трудно было усмотреть из Петербурга.

В Софии А. А. Башмаков общался лично с представителями болгарской оппозиции, и хотя в письмах Н. П. Игнатьеву он не называет ни одного имени или партии, скорее всего, он имел беседы с представителями болгарской «Демократической партии» во главе с Петко Каравеловым: в книге «Болгария и Македония» он упоминает его как лидера оппозиционеров. Путешествуя по Болгарии, Башмаков знакомился с общественным мнением «посредством произведений печати, разговоров с государственными деятелями и вообще наблюдения над интеллигентами»³⁷.

---

32 Там же.

33 Возможно, выбор этой даты был связан с годовщиной выступления 29 июня 1895 г. под руководством Б. Сарафова.

34 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

35 Там же. Л. 12.

36 Там же. Л. 17 об.

37 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 67.

В самом начале августа А. А. Башмаков прибыл в Македонию и провел в Скопье 10 дней, как можно тщательнее изучая македонский вопрос³⁸. Для достижения этой цели он постарался расспросить наиболее видных представителей обеих партий, сербской и болгарской, записывая даже самые пристрастные и односторонние заявления обеих сторон³⁹. Результаты этого опроса в самых общих чертах изложены в книге «Болгария и Македония»⁴⁰.

Совершая свою поездку, А. А. Башмаков стремился как составить собственное представление о сущности «македонского вопроса», так и определить важнейшие действия России в случае всеобщего восстания в Македонии. В письме Н. П. Игнатьеву он признавался, что считал своим долгом «сделать посильное, чтобы содействовать исправлению наших несметных ошибок, можно сказать даже — исправлению самого курса русской политики на Балканском полуострове»⁴¹.

Как отмечал А. А. Башмаков в своем письме, с момента окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «игра сил» на Балканах крайне осложнилась, а политика России, по его мнению, напротив, сделалась пассивной и беспринципной⁴². Идея Сан-Стефанского договора перестала быть руководящей в российской политике. Вместе с тем дело освобождения Македонии, согласно Башмакову, не терпело промедления: «Когда наступит время ясного зрения, дело будет проиграно», — писал он, добавляя, что пока в Европе проходила Гагская мирная конференция, на Балканах усердно копалась могила для русского влияния среди южного славянства⁴³. Могила эта копалась уже не Англией и не одной только Австрией, а на сцену вполне определенно и недвусмысленно выступала имперская Германия⁴⁴.

А. А. Башмаков обстоятельно обрисовал Н. П. Игнатьеву геополитическую ситуацию на Балканах в связи с экономическим проникновением Германии в этот регион. Летом 1899 г. особое беспокойство в болгарском обществе вызывало подписание договоров государственного займа, заключенных Болгарией с группой немецких и французских банков. Согласно условиям этих договоров, насколько

38 Там же. С. 132–133.

39 Там же. С. 133.

40 Там же. С. 133–139.

41 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

42 Там же. Л. 13.

43 Там же.

44 Там же.

удалось выяснить тогда Башмакову, на определенный срок Болгария лишалась права брать займы у кого бы то ни было, а при неуплате срочных платежей магистральная линия болгарских дорог переходила в руки синдиката с правом болгарского правительства выкупить ее только через 25 лет⁴⁵. Такие условия займа, по справедливому замечанию публициста, создавали опасность овладения Германией всей железнодорожной линией от Берлина до Константинополя, а вместе со строительством дороги Конья — Багдад открывали перспективу окончательного завладения Малой Азией⁴⁶. Ряд болгарских государственных деятелей из оппозиции, с которыми А. А. Башмаков поддерживал связь, придерживались мнения, что Россия могла бы расстроить этот план. Согласно их взгляду, если бы русское правительство вовремя поняло значение этого дела и предложило заключение такого же займа на иных, продиктованных Россией условиях при посредничестве парижской биржи, все вышло бы иначе⁴⁷. Однако Башмаков не стал делать предположения о том, насколько справедливо было данное суждение. В своих «Письмах из Болгарии и Македонии» на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 199 и 201, 1899) он дал одно из первых указаний в русской печати на значение Багдадской дороги в связи с финансовым укреплением немцев на Балканском полуострове, а также упомянул, что и французские капиталисты поддерживали враждебные славянству цели. Немногим позднее обсуждение проекта этой железной дороги началось в газете «Новое время»⁴⁸.

Как отмечал А. А. Башмаков, болгарские оппозиционные силы открыто упрекали князя Фердинанда Кобурга в сознательном потворстве Австрии, игнорировании болгарских национальных интересов и в особенности измученной Македонии⁴⁹. Башмаков просил графа обратить особое внимание на то, что даже политически умеренные болгары единодушно упрекали Россию в том, что через своих дипломатов и консулов она играла роль как бы пособницы австрийских целей⁵⁰. Декларирование Россией политики «невмешательства» во внутренние дела Болгарии, по их мнению, привело к игнорированию положения

---

45 Там же. Л. 13об.

46 Там же. Л. 14.

47 Там же.

48 Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 291.

49 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14.

50 Там же. Л. 14об.

вещей и слабой осведомленности в балканских делах. Собеседники А. А. Башмакова указывали на то, что России было не по плечу бороться с австрийскими и французскими консулами и агентами, прекрасно осведомленными и держащими в своих руках сложные нити целой сети негласных агентов, от которых они получали самые точные экономические, торговые и иные сведения о Балканах⁵¹. Кроме того, в Македонии Россия не желала стать на сторону какой-либо из борющихся там национальностей. Это было бы вполне разумно, если бы Россия действительно была нейтральной, рассуждали они, однако при этом русские консулы защищали в Македонии сербизм — такой упрек А. А. Башмаков слышал с разных сторон⁵². В частности, русский консул в Скопье В. Ф. Машков считался в Болгарии сербофилом⁵³.

Позднее, комментируя для Ф. Р. Остен-Сакена статью Н. Н. Дурново по македонскому вопросу, вышедшую в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1901 г., А. А. Башмаков напишет по этому поводу: «[Дурново] считает страну сербской и находит, что мы в ней поддерживаем болгаризм. Я же вижу, что это страна болгарская и что мы в ней поддерживаем сербизм, а болгаризм предали в руки палача»⁵⁴. Башмаков не сомневался: укрепление сербизма, произошедшее со времени сербско-болгарской войны 1885 г., всецело являлось результатом давления со стороны Австрии, которая толкала Сербию вниз по Вардару, «натравливая сербский элемент на болгарский»⁵⁵. Продолжение такого курса, по его мнению, привело бы лишь к повторению братоубийственной войны. Публицист был убежден, что равновесие в территориальных вопросах на Балканах могло быть достигнуто только в том случае, если бы болгарский народ стремился к преобладанию на Эгейском море, сербский — на Адриатике, а русский — на Черном море⁵⁶.

Именно поэтому роль России, по мнению А. А. Башмакова, должна была состоять в поддержке болгар также против сербов, а не только против греков в южной части Ускюбского (Скопийского) и

---

51 Там же.

52 Там же. Л. 14об.—15.

53 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 159.

54 РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1400. Л. 5об.

55 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15.

56 Македония и македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // *Славянский век*. Вена, 1900. № 3. С. 12.

в Битоляском вилайетах; поддержка же сербизма была не чем иным, как козырем в игре Австрии⁵⁷. Русское правительство, продолжал он, не осознавало этой задачи. Однако Башмаков не исключал и того, что пассивная позиция России была обусловлена «непомерным объемом тех уступок», на которые она пошла в секретном соглашении с Австрией о разграничении сфер влияния в 1897 г.⁵⁸ Следует отметить, что публицисту не были известны смысл и сущность достигнутых русско-австрийских договоренностей, поэтому он неверно передает их условия. Соглашение предполагало не разграничение сфер влияния, а возможно более длительное сохранение на Балканах status quo, а в случае его нарушения — «справедливый» раздел территорий. О российском влиянии на Балканах в соглашении речи не шло.

А. А. Башмаков не верил, что в случае восстания в Македонии Россия сумеет вовремя сориентироваться в вопросе. Он считал, что русская дипломатия стояла на ложном пути, когда стремилась «к подавлению совершенно неудержимого роста самой жизни» в Македонии⁵⁹. Россия должна была поставить македонский вопрос на очередь, не опасаясь войны: этот вопрос, с точки зрения Башмакова, подобно Критскому, мог быть урегулирован без пролития крови, тем более что война с Россией для Турции была бы немислима⁶⁰.

«Если же будем продолжать идти той же ложной дорогой, то мы натворим страшное зло, — продолжал он. — Австрия пойдет совершенно последовательно вперед, разрушая в Македонии одновременно и болгарскую народную стихию, и православие»⁶¹. По мнению Башмакова, в Призрене, Тетово, Гостиваре и Дебре в результате «зулумов» и окатоличивания лет через 10 могло дойти до того, что «православных не будет вовсе в этих округах, и Россия не будет иметь никакого основания предлагать свою защиту там, где не будет ее единомышленников...»⁶². Единственным средством борьбы с этим явлением он считал учреждение большего числа русских консульств в македонских вилайетах, а также должности российского настоятеля консульской церкви в Скопье⁶³.

57 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15–15об.

58 Там же. Л. 15об.

59 Там же. Л. 16об.

60 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 162.

61 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 16об.

62 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 154–155.

63 Там же. С. 150, 155.

А. А. Башмаков был солидарен с одним из видных деятелей Внутренней Македонско-Одринской организации (ВМОРО) Ризо Ризовым в отношении подхода к решению македонского вопроса. Три главных положения его программы — недопустимость разделения Македонии; разрешение вопроса о церковной распре, т. е. об отношениях патриархии к экзархату в македонских приходах только по достижении автономии; необходимость скорого дипломатического вмешательства с целью устроения автономии — Башмаков представил Н. П. Игнатьеву в своем письме, отметив, что программа Ризова разумна и достижима, а кроме того, согласна с российскими интересами⁶⁴.

Во время восстания сам Башмаков предполагал стать посредником между российскими официальными представителями и повстанцами для скорейшего достижения умиротворения⁶⁵. Он отмечал, что если ему предложат принять участие в выработке положений мира, он с радостью предложит свои услуги своему начальнику⁶⁶ (т. е. директору II Департамента МИД Н. А. Малевскому-Малевичу. — *М. Б.*)

Восстания, однако, не произошло. В Македонии все было тихо. «Лукава эта тишина, — писал А. А. Башмаков, — под ней скрывается готовая вспыхнуть буря»⁶⁷. Если так будет продолжаться все лето, писал он, то ему придется со вздохом вернуться к 5 сентября, когда закончится его отпуск, «под чиновничье ярмо, быть может, как раз тогда, когда вспыхнут великие события», в которых он бы столь жаждал принять участие как преданный сын России⁶⁸. Башмаков все же надеялся, что как только в Македонии вспыхнет восстание, Россия не сможет оставаться пассивной в силу солидарности русского народа с македонцами, а одно слово русского царя задержит дальнейшее кровопролитие.

В том же письме он отмечал, что если не будет никаких событий, он надеется оказать пользу тем, что изучит этот край, соберет как можно больше данных и напишет осенью подробный доклад, который Н. П. Игнатьев, быть может, сочтет возможным довести до сведения императора. «Я с доверием излагаю Вам этот план, граф, надеясь, что Вы воспользуетесь моими сведениями для того, чтобы поспособствовать оздоровлению нашей политики»⁶⁹, — писал он ему.

64 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 16–16об.

65 Там же. Л. 18.

66 Там же.

67 Там же. Л. 17об.

68 Там же.

69 Там же. Л. 18–18об.

28 августа 1899 г. А. А. Башмаков писал Н. П. Игнатьеву из Софии, что объездил Македонию «и вкривь и вкось»: из Скопье направился в Велес и оттуда совершил экскурсию в 30 верст в западном направлении; затем отправился в Солунь, а оттуда в Битола по железной дороге; из Битолы в экипаже — через Прилеп, Плетварский перевал в Тиквеш, а оттуда — 150 верст верхом через самые малопроезжие горы, города Штип и Эгри Паланку (совр. Крива-Паланка) перешел на дорогу Кюстендил — София и вернулся в Болгарию⁷⁰. В качестве цели своего путешествия А. А. Башмаков предусмотрительно обозначил скопийскому валию Хафыз-паше разыскание родственников покойного российского консула в Бейруте К. Д. Петковича, который был родом из окрестностей Велеса (село Башино) и был женат на Вере Андреевне Петкович, которую Башмаков в письме Н. П. Игнатьеву называет своей родственницей⁷¹. Башмаков «воспользовался этим прекрасным предлогом», чтобы отнять у турок всякий повод к задержанию его исследований⁷². О пребывании в окрестностях Ново Село близ Велеса он писал Н. П. Игнатьеву: «Турецкие власти, перед которыми я успел себя так поставить, что со мною обращались как с русским сновником, имеющим Бог знает какие тайные задачи, трепетали за мою жизнь и снарядили со мной, во-первых, целый кавалерийский вывод (7 конных суварий) и затем подняли на кон албанских бекчиев целой казы, которые целую ночь шарили по горам, дабы не было какой-либо засады и не задумал кто-либо из их же коллег пустить мне шальную пулю, на основании местных обычаев»⁷³.

Путешествие по Македонии позволило А. А. Башмакову прийти к выводу о том, что славянское население этой страны по характеру было преимущественно болгарским и использовало этнонимы «бугаре» и «българе».

Он был поражен той легкостью, с которой понимал местную речь, а жители понимали тот болгарский литературный язык, которым путешественник владел к тому моменту почти 20 лет⁷⁴. Это впечатление усиливалось тем, что, предварительно изучив печатные образцы македонского

---

70 Там же. Л. 6, 7.

71 Петковичи действительно являлись дальними родственниками Башмаковых: младший брат К. Д. Петковича Андрей Дмитриевич был женат на Варваре Аркадьевне, двоюродной сестре А. А. Башмакова по отцу.

72 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 60б.

73 Там же.

74 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 183–184.

наречия, А. А. Башмаков составил себе представление о разговорном языке македонцев как о трудном и малопонятном жаргоне, а на деле общение с македонцами было таким же легким и плавным, как будто разговор происходил где-нибудь в Болгарии⁷⁵. Он отмечал, что в Македонии попадались постоянные сербизмы, хотя их было немного⁷⁶.

Когда А. А. Башмаков имел дело с турками или албанцами, научившимися говорить на славянском языке вследствие соприкосновения с местным населением (среди них — велесские извозчики, конные «сувари» его конвоя и албанские полевые сторожа), то убеждался, что они обращались к македонцам на чистом болгарском языке⁷⁷. Раз они освоили болгарский язык, рассуждал Башмаков, значит, этот язык есть родной язык местного населения. Мусульмане славянского происхождения, встречавшиеся Башмакову, также говорили на болгарском языке.

Немаловажным в македонском вопросе А. А. Башмаков считал и психологический момент: в то время как сербы относились к македонскому восстанию враждебно, предпочитая видеть Македонию скорее под управлением турок, нежели болгар, последние готовы были идти на всевозможные жертвы, чтобы освободить своих братьев⁷⁸. Публицист писал Н. П. Игнатьеву, что в то время только болгары стремились к освобождению Македонии, не требуя даже ее присоединения к княжеству, а домогаясь только учреждения автономной области. «Сербы, напротив, служат орудием оттоманских козней против болгар, — утверждал Башмаков. — Они отлично сознают, что при освобождении области через пять лет следа не останется от сербской пропаганды. Поэтому турки нужны сербской пропаганде в Македонии, и наоборот, она нужна туркам»⁷⁹.

Интересно, что, признавая в открытой печати исключительную сложность македонского вопроса, в частном письме Н. П. Игнатьеву Башмаков выражал уверенность в том, что столь обострившаяся в регионе сербско-болгарская распря не имела серьезного основания: «Сербские притязания весьма велики и даже дерзки, но, по-моему, они совершенно вздорны»⁸⁰, — писал он. Между тем, полагал он, отчасти

75 Там же. С. 184.

76 Там же. С. 185.

77 Там же. С. 186–187.

78 Македония и македонский вопрос... С. 12.

79 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 8–8об.

80 Там же. Л. 7об.–8.

по остатку лобановских традиций, отчасти по случайному стечению личных симпатий российских консулов сербская пропаганда в Македонии именно в последних находила существенную поддержку⁸¹.

Русская власть, по мнению А. А. Башмакова, должна была быть нейтральна в этой распре, т. е. открыто не выступать в поддержку ни одной из сторон. Однако для того чтобы ориентироваться в вопросе об освобождении Македонии, необходимо было «знать и не терять из виду, что болгары правы более, нежели сербы»⁸². Активно вмешиваться в дела Македонии, не выступая против сербов, но и не защищая их — такой вектор российской политики Башмаков полагал непреложным. Он был уверен: одним фактом освобождения Македонии Россия бы разрушила все надежды сербской пропаганды, что стало бы самым убедительным осуждением нравственной несостоятельности последней⁸³.

Отмечая, что в Македонии имя Н. П. Игнатъева вызывало особое уважение, А. А. Башмаков просил графа помочь делу освобождения этой страны, тем самым завершив начатое в 1878 г. Насколько он успел убедиться за время своей македонской поездки, созданный инициативой графа Игнатъева Сан-Стефанский договор действительно верно и справедливо определял границы расселения болгар⁸⁴. В своем докладе, читанном в Императорском Русском географическом обществе, Башмаков позднее выскажет ту же мысль: «Глубокая правда поэтому была в Сан-Стефанском договоре, создавшем целокупную Болгарию со включением в нее Македонии»⁸⁵.

План освобождения Македонии А. А. Башмаков представлял без применения военной силы, с чисто формальным введением русского корпуса в ближайший к Македонии болгарский округ — Кюстендильский — для оказания давления на Турцию. Для осуществления этого плана нужно было войти в тайные переговоры с Фердинандом. «Как бы он ни был подозрителен, с точки зрения готовности выдать все тайны Австрии, как бы глубоко ни был он предметом отвращения всех болгар, тем не менее, он все же их князь, и тут ничего не поделаешь»⁸⁶, — писал Башмаков. Во время переговоров следовало предложить ему внезапную, примерно в недельный срок, оккупацию

---

81 Там же. Л. 8.

82 Там же.

83 Там же. Л. 8об.

84 Там же. Л. 7об.

85 Македония и македонский вопрос... С. 12.

86 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 9.

русскими войсками (корпусом в 50 тыс. чел.) Кюстендильского округа. «Из Кюстендила можно достигнуть Скопье в течение 16 часов; а Скопье есть стратегический ключ всей Македонии»⁸⁷, — отмечал Башмаков. Одновременно с оккупацией следовало «послать какого-нибудь великого князя поважнее, с весьма ценными подарками султану», чтобы оттенить, что Россия не желает воевать с Турцией⁸⁸. Как только русский корпус будет в Кюстендиле, писал Башмаков, Россия предложит Турции дать автономию Македонии. При этом Солунь, по его мнению, необходимо было выключить из состава Македонии, благодаря чему податливее стали бы и Турция, и Австрия.

Наконец, осуждая распространенное в России представление о Болгарии как о недружественной стране, А. А. Башмаков резюмировал в письме, что брать стамбуловщину за мерило всех российских отношений с Болгарией было столь же глупо и недальновидно, как бояться иметь дело с македонскими «комитаджи», потому, дескать, что они «революционеры» и питают склонность к динамиту и ручным бомбам⁸⁹. «На этих соображениях может быть построена только слабохарактерная политика, без целей, без идеалов, способная только унижить наш сверхъестественно-чудный престиж на Балканском полуострове»⁹⁰, — писал он.

В сентябре 1899 г., по возвращении в Петербург, А. А. Башмаков писал русскому государственному деятелю, этнографу Ф. Р. Остен-Сакену в связи с его желанием ознакомиться с результатами путешествия на Балканы. Публицист представил ему 14 своих корреспонденций для «Санкт-Петербургских ведомостей» (еще 3 на тот момент не были опубликованы)⁹¹ и кратко изложил свой план российских действий в отношении Болгарии и Македонии. Помимо упомянутой выше внезапной оккупации, по соглашению с Болгарией, Кюстендильского округа, для подкрепления требования о даровании автономии Македонии без кровопролития Башмаков предлагал еще две

---

87 Там же. Л. 9об.

88 Там же.

89 Там же.

90 Там же. Л. 10.

91 А. А. Башмаков направлял телеграммы о своих впечатлениях в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» непосредственно из путешествия. 17 «Писем из Болгарии и Македонии» были опубликованы в газете осенью 1899 г., а их болгарский перевод вышел в македонском органе «Реформы» в Софии.

главные меры: проведение железной дороги Варна — Антивари и предоставление займа в 30 млн руб. Болгарии с тем, чтобы ее заем в 260 млн франков у немецкого синдиката был уничтожен⁹². Также он указал ряд дополнительных мер различного характера, среди которых: усиление православия в Старой Сербии и Македонии, открытие новых консульств, заключение с Болгарией почтовой конвенции, государственная монополия на поставку железа в Болгарию и расширение дела воспитания южных славян в России⁹³. К письму автор приложил две карты: железнодорожную и общую, на которой были отмечены его маршрут по Македонии и план строительства железнодорожной линии Варна — Антивари, которую, по его мнению, России было необходимо соорудить для усиления русского влияния и экономического отмежевания балканских государств от Австро-Венгрии (в деле карты отсутствуют). Необходимость строительства этой железной дороги не была еще общепризнанной в 1899 г.⁹⁴

По всей видимости, все эти предложения были высказаны А. А. Башмаковым и Н. П. Игнатьеву в их устной беседе о македонских делах, состоявшейся в начале ноября 1899 г. Он также показал ему некую книгу о военной топографии Македонии⁹⁵.

В том же месяце доклад А. А. Башмакова о Македонии был представлен государю императору, который отнесся к нему со вниманием⁹⁶. Вероятно, это было сделано, как и планировалось Башмаковым, с помощью Н. П. Игнатьева. А. А. Башмаков вспоминал, что благодаря этому докладу Россия провела мероприятия по финансовой поддержке Болгарского княжества «против закабаления его Австрией»⁹⁷. Надеемся, что дальнейшие исследования позволят выявить значение данного доклада и в отношении македонского вопроса.

* * *

А. А. Башмаков посетил Македонию накануне крупных политических событий начала XX в. в этой области: Горноджумайского и

---

92 РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1400. Л. 3.

93 Там же.

94 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 369.

95 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 3.

96 *Расловлев М.* Памяти А. А. Башмакова // *Возрождение: Литературно-политические тетради под ред. И. И. Тхоржевского*. Тетр. 4. Июль 1949 г. С. 164.

97 Там же.

Илинденского восстаний, наконец, начала реализации Мюрцштегской программы реформ. Собранные им этнографические данные и его оценка международной обстановки на Балканах позволили ему сформулировать свою позицию относительно оптимальной политики России в этом регионе. Отвергая возможность решения «македонского вопроса» с помощью реформ, считая их бессмысленными, публицист выступал за устройство в Македонии автономии дипломатическим путем. Свою позицию А. А. Башмаков стремился донести до властей через Н. П. Игнатьева и путем формирования общественного мнения. В силу первых впечатлений от поездки ему казалось, что в 1899 г. настал подходящий момент для устройства автономии, и он импульсивно предлагал Н. П. Игнатьеву идею о введении русского военного корпуса в Кюстендильский округ. Уже в 1902 г. он высказал более взвешенную точку зрения, отмечая, что не берется судить о том, созрели ли условия для совместных действий держав с целью устройства автономии, и что «без борьбы ничего не родится, тем более в политике»⁹⁸. Однако дальше предложения об автономии Башмаков не шел, не поднимая таких вопросов, как предоставление Македонии военной помощи от Болгарии или присоединение этой страны к Болгарии. Тем не менее почти целую главу своей книги он посвятил подробному описанию природного ландшафта Македонии⁹⁹, а по сути — ее военной топографии. На наш взгляд, это было сделано для военных, которые черпали сведения в том числе из открытых источников.

Идеи, которые были высказаны А. А. Башмакову болгарскими оппозиционерами (о ведущей роли железнодорожного строительства на Балканах и опасности германского «мирного проникновения» в этот регион, необходимости России выступить в качестве заимодателя Болгарии для противостояния германским и иным капиталам), были приняты им и сформулированы в виде мер по решению «македонского вопроса». Публицист верно спрогнозировал, что приобретение Германией концессии на Багдадскую железную дорогу, которое состоялось вскоре после его поездки на Балканы, в декабре 1899 г., станет крупным политическим и экономическим успехом правящих кругов Германии¹⁰⁰. Полученные им сведения о железнодорожном строительстве в труднодоступном горном районе Македонии на границе с Болгарией оказались полезными для болгарских оппозиционеров,

98 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 366.

99 Там же. С. 98–108, 114–118.

100 Подробнее об этом см.: *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен»... С. 76.

которые, находясь в Софии, не имели информации о том, продолжалось ли сооружение турецким правительством железной дороги из Скопье до болгарской границы, которая должна была соединиться с дорогой Кюстендил — Радомир¹⁰¹.

В отношении решения «македонского вопроса» по критскому сценарию А. А. Башмаков был солидарен с македонскими революционерами и полагал, что Россия могла бы направить свою политику к сотрудничеству с теми организациями, которые ориентировались на Россию в вопросе об освобождении Македонии. Расширение сети российских консульств в Османской империи и поддержка православия в македонских вилайетах, предложенные А. А. Башмаковым в качестве мер поддержки христианского населения, берут свое начало от игнатьевских традиций в этом регионе.

Как удалось убедиться А. А. Башмакову, арсенал российских средств влияния и информирования на Балканах был крайне беден по сравнению с конкурирующими державами. Действительно, работа по сбору политических сведений на Балканах была возложена главным образом на российских консулов, и этих сил явно не хватало. Вместе с тем российское Министерство иностранных дел довольно скептически относилось к такого рода информации. Обстоятельные отчеты российского консула А. А. Ростовского из Македонии 1903 г. в министерстве толком не читались¹⁰². Показательны в этом смысле и опасения Башмакова за собственную карьеру: не только его сведения были невостребованными во внешнеполитическом ведомстве, но и его поездка в целом могла стоить ему карьеры. «Каждая строка этого письма может погубить мою служебную деятельность»¹⁰³, — писал он Н. П. Игнатьеву.

К сожалению, большой пласт информации, полученный А. А. Башмаковым на месте, не попал в печать. Его книга «Болгария и Македония», безусловно, выиграла бы в силу информационного воздействия, если бы все эти данные были включены в текст. Однако автор намеренно не приводит тех сведений, которые, по его мнению, могли бы запутать читателя, при этом оставаясь искренним во всех своих убеждениях. Позиция А. А. Башмакова по македонскому вопро-

---

101 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 305.

102 *Ямбаев М. Л.* «Мне сердечно жаль македонских славян, но...» (А. А. Ростовский в Македонии. Начало XX в.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 298.

103 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

су была чрезвычайно близка позиции П. Н. Милюкова, посетившего Македонию незадолго до него — в 1898 г. Примечательно, что оба публициста слышали от простых македонцев почти дословно совпадающие фразы: в варианте, услышанном П. Н. Милюковым — «Ние сме българи. Кога ще дойде Русия да ни освободи?» («Мы болгары. Когда придет Россия и освободит нас?») ¹⁰⁴; и «Камо да дойде, да ни освободи Русия!» («Пусть придет и освободит нас Россия!») ¹⁰⁵ — А. А. Башмаковым. В письме Н. П. Игнатьеву он обращал внимание графа на любовь и приверженность простых македонцев к России. Это заставляло Башмакова верить, что неофициальным кругам — македонской «народной стихии», борющейся за независимость, и русской, всем сердцем сочувствующей ей, — удастся изменить курс дипломатии великих держав, когда встанет вопрос о судьбе Македонии.

С 1902 г., после Горнодзумаевского восстания, российская политика на Балканах активизировалась, но не в том варианте, какой предполагал и желал Башмаков: она по-прежнему была направлена на понуждение Османской империи к реформам. Однако сохранение на Балканах мира и status quo как таковых, по А. А. Башмакову, не могло быть целью российской политики, поскольку из своей поездки он вынес впечатление, что «мир» в Македонии невозможно сохранять сколько-нибудь продолжительное время. В этом заключается принципиальное расхождение позиции Башмакова и официального курса российской дипломатии в то время. Расхождение во взглядах на Мюрцштегскую программу реформ с министром иностранных дел В. Н. Ламсдорфом предопределило уход А. А. Башмакова из ведомства в 1904 г.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Бурбыга В. А. Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.) // Македония: Проблемы истории и культуры / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. Р. П. Гришина]. М.: [б. и.], 1999. С. 123–141.

¹⁰⁴ Германов С. Руски пътешественици... С. 247.

¹⁰⁵ Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 320.

Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Болгария и Македония. СПб.: тип. Спб. печ. и писчеб. дела «Слово», 1903. VIII, 386 с.

Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. / [авт. коллектив: В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина (отв. ред.), М. Т. Панченкова, В. И. Шеремет]. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1978. 434 с.

Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София: Македонски научен институт, 1993. С. 237–274.

Елдъров С. Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александър Александрович Башмаков // Македонски преглед. 2009. Год. 32, кн. 4. С. 129–142.

Исаева О. Н. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. Вып. 6. С. 101–118.

Йолов И. Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София: Българска духовност, 1999. 138 с.

Македония и македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // Славянский век. Вена, 1900. № 3. С. 10–13.

Расловлев М. Памяти А. А. Башмакова // Возрождение: Литературно-политические тетради / под ред. И. И. Тхоржевского. Тетрадь 4. Июль 1949 г. Париж: La Renaissance, 1949. С. 161–165 (с. 163–165: *Башмаков А. А.* Письмо министру внутренних дел Н. А. Маклакову).

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / [под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко]. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с.

Смолин М. Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии: [журнал] / Российский институт стратегических исследований. 2012. № 1 (10). С. 149–158.

Томсинов В. А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // *Томсинов В. А.* Российские правоведа XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 2. С. 166–204.

Ямбаев М. Л. Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX в. / Институт славяноведения РАН; отв. ред. С. И. Данченко. М.: URSS: ЛЕНАНД, [2011]. С. 149–178.

Ямбаев М. Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребце Европы». 1878–1914 гг. / Ин-т славяноведения РАН; [редкол.: В. Н. Виноградов, В. И. Косик (отв. ред.)]. М.: Индрик, 2003. С. 297–321.

Ямбаев М. Л. «Мне сердечно жаль македонских славян, но...» (А. А. Ростовский в Македонии. Начало XX в.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. И. В. Чуркина]. М.: [б. и.], 2004. С. 297–307.

Ямбаев М. Л. Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах глазами русских / Институт славяноведения РАН; [отв. ред.: Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин]. СПб.: Алетейя, 2011. С. 160–168.

Veščij Oleg [Bashmakov A. A.]. Bulharsko a Makedonie / z ruštiny přeložil Jan Wagner. Praha: E. Beaufort, Praha, 1903. 246 s.

References

Burbyga, V. A. “Rossiiskaia pečat’ o putiakh resheniia makedonskoj problemy nakanune Balkanskikh vojn (1908–1912 gg.)” *Makedoniia: Problemy istorii i kul’tury*, ed. by R. P. Grishina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 1999, pp. 123–141.

Eldürov, S. “Zabraveniat iubilej: 150 godini ot rozhdenieto na Aleksandür Aleksandrovich Bashmakov.” *Makedonski pregled*, year 32, book 4, 2009, pp. 129–142.

Germanov, S. “Ruski püteshestvenitsi, ucheni i obshtestvenitsi za Makedoniia ot XVII vek do 1912 g.” *Izsledvaniia po makedonskiiia vüpros*, book 1, Sofia: Makedonski nauchen institut, 1993, pp. 237–274.

Iambaev, M. L. “Makedoniia v 1878–1912 gg.” *V ‘porokhovom pogrebe Evropy’. 1878–1914 gg.*, Moscow: Indrik, 2003, pp. 297–321.

Iambaev, M. L. “‘Mne serdechno zhal’ makedonskikh slavian, no...’ (A. A. Rostovskii v Makedonii. Nachalo XX v.)” *Professor Sergej Aleksandrovich Nikitin i ego istoricheskaiia shkola*. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, ed. by I. V. Churkina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2004, pp. 297–307.

Iambaev, M. L. “Bolgaro-makedonskoe revoliutsionnoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vv.: otnosheniia Bolgarii i ofitsial’noj Rossii.” *Obshchestvennye dvizheniia u narodov Iugo-Vostochnoj Evropy i Rossii v XVIII — nachale XX v.*, ed. by S. I. Danchenko, Moscow: URSS, LENAND, 2011, pp. 149–178.

Iambaev, M. L. “Rossiiskie nabludateli ob ètnicheskoi prinadlezhnosti naseleniia Makedonii v kontse XIX — nachale XX v.” *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh*, ed. by R. P. Grishina, A. L. Shemiakin, Saint Petersburg: Aleteiia, 2011, pp. 160–168.

İolov, I. *Ruski avtori za Bülgarii i Sürbiia v makedonskiiia konflikt 1885–1917 g.* Sofia: Bülgarska dukhovnost, 1999, 138 p.

Isaeva, O. N. “‘Makedonskaia smuta’: vzgliad russkikh konsulov.” *Slavianskii sbornik*, vol. 6, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2003, pp. 101–118.

Kiniapina, N. S., editor. *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii: konets XVIII — nachalo XX v.* Moscow: Nauka, 1978, 434 p.

Koz'menko, I. V., compiler. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917.* Moscow: Gospolitizdat, 1952, 462 p.

“Makedoniia i Makedonskii vopros s tochki zreniia russkogo puteshestvennika (korrespondentsiia iz Peterburga).” *Slavianskii vek*, no. 3, Vienna, 1900, pp. 10–13.

Raslovlev, M. “Pamiati A. A. Bashmakova.” *Vozrozhdenie: Literaturno-politicheskie tetradi*, ed. I. I. Tkhorzhevskii, tetrad' 4, iul' 1949, Paris: La Renaissance, 1949, pp. 161–165.

Smolin, M. B. “Stolypinskiĭ ideolog Aleksandr Aleksandrovich Bashmakov.” *Problemy natsional'noi strategii*, vol. 10, no. 1, 2012, pp. 149–158.

Tomsinov, V. A. “Aleksandr Aleksandrovich Bashmakov (1858–1943).” *Rossiiskie pravovedy XVIII–XX vekov: ocherki zhizni i tvorchestva*, by V. A. Tomsinov, vol. 2, Moscow: Zertsalo, 2007, pp. 166–204.

Veščij Oleg [Bashmakov, A. A.]. *Bulharsko a Makedonie*. Translated from Russian by J. Wagner, Praha: E. Beaufort, 1903, 246 p.

Veshchii Oleg [Bashmakov, A. A.]. *Bolgariia i Makedoniia*. Saint Petersburg: s. n., 1903, VIII, 386 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Beklemisheva M. M.

**The Russian publicist Alexandre Baschmakoff
on the Macedonian question in letters and journalism (1899)**

Maria M. Beklemisheva

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovskiy Prospekt, 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: mariabekl@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6648-6395

Citation

Beklemisheva M. M. The Russian publicist Alexandre Baschmakoff on the Macedonian question in letters and journalism (1899) // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 33–59 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Received: 21.09.2020.

Abstract

The article studies the views of the Slavophile Alexandre Baschmakoff on the essence and solution of the «Macedonian question» in 1899 developed in his book «Bulgaria and Macedonia» and archival letters to Count N. P. Ignatiev, the latter for the first time used as a historical source. Special aspects of the representation of facts in Baschmakoff's book and letters are highlighted. In addition the author documents the unofficial manner of his trip. It is shown that Baschmakoff sought to reach Macedonia by the time of the alleged general uprising and become a mediator between the rebels and official Russia. One of the main sources of information about the political situation in the region for him during the trip were testimonies of Bulgarian oppositionists, while his concept of ethnic composition in Macedonia was based on his own observations. The main attention in the work is paid to Baschmakoff's ideas about the necessary Russian foreign policy course in Bulgaria and Macedonia in 1899: in his opinion, the goal of Russian diplomacy should have been an establishment of autonomy in Macedonia avoiding war and an active foreign policy course towards the Balkans.

Keywords

Macedonia, the Macedonian Question, N. P. Ignatiev, Bulgaria, Russian foreign policy, late Slavophilism.